

- ²² Эренбург И. Марина Ивановна Цветаева // Эренбург И. Портреты русских поэтов. СПб., 2002. С. 120–121. Первое издание: Эренбург И. Портреты русских поэтов. Берлин, 1922.
- ²³ Запись предположительно того же 1924 года.
- ²⁴ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 308.
- ²⁵ Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть : письма 1922–1936 годов. М., 2008. С. 106.
- ²⁶ Представление о поэтическом «равенстве» Цветаевой с потенциальным «собратом» по поэтическому «Везувии» устойчиво транслируется в разнообразных субтекстах пражского периода. Например, в одном из ее писем 1924 г. актуальный вопрос поэтического влияния хронологически разрешается устойчивой в метапоэзисе Цветаевой «речной» метафорой (ср. и см. установление соотношения поэтических образов: «реки» – «руки» в «Стихах к Блоку» – «У меня в Москве купола горят...»): «С гордостью думаю о твоём влиянии

на меня, не влиянии как давления, о в – лиянии, как река вливается в реку. И так как до сих пор на меня не влиял ни один поэт, думаю, что ты больше, чем поэт – стихия. Elementargeist (стихийный дух (нем.). – С. К.), коим я так подвержена» (Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть. С. 99).

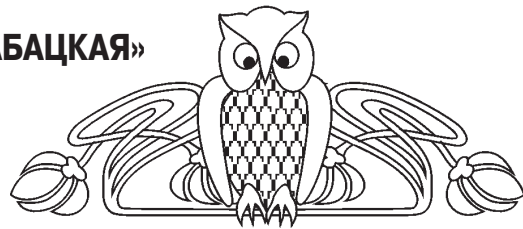
- ²⁷ В «Записной книжке» Марины Цветаевой за 1914 г. появится программная запись: «1914 год. Мое отношение к славе? В детстве – особенно 11-ти лет – я была вся честолюбие. Впрочем, с тех пор, как себя помню! Теперь – особенно с прошлого лета – я безразлична к нападкам – их мало и они глупы – и безразлична к похвалам – их мало, но они мелки. “Второй Пушкин”, или “первый поэт-женщина” – вот чего я заслуживаю и может быть дождусь и при жизни. Меньшего не надо, меньшее плывет мимо, не задевая ничего. Внешне я очень скромна и даже стесняюсь похвал». (Цветаева М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 1 : 1913–1919. М., 2001. С. 57).

УДК 821.161.1.09-1+929Есенин

КНИГА СТИХОВ С. А. ЕСЕНИНА «МОСКВА КАБАЦКАЯ» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОК ПОЭТА

С. А. Бубнов

Орловский государственный университет
E-mail: bubnows@yandex.ru

Исследован литературно-критический материал 1923–1925 гг., касающийся восприятия книги стихов С. А. Есенина «Москва кабацкая». Сборник стихов поэта вызвал разные толкования, многочисленные и противоречивые отклики критиков различных эстетических убеждений и литературных групповых пристрастий.
Ключевые слова: «Москва кабацкая», художественная автобиография, мотив щемящей грусти, самоистязание.

Esenin's Book of Poems «Moskva Kabatskaya» (Tavern Moscow) in the Perception of his Contemporaries

S. A. Bubnov

The article treats the literary critics' works of 1923–1925 concerning the perception of Sergei Esenin's book of poems «Moskva Kabatskaya» (Tavern Moscow). The book in question provoked different interpretations and numerous contradictory responses of critics of diverse aesthetic beliefs belonging to various literary groups.

Key words: «Moskva Kabatskaya» (Tavern Moscow), artistic autobiography, wrenching sadness motive, self-torture.

Замысел книги «Москва кабацкая» возник у С. А. Есенина весной 1923 г. в Париже, а заключительный цикл вошедших в неё стихотворений создан по возвращении на родину. В берлинском сборнике «Стихи скандалиста» поэт впервые выделил цикл стихов под названием «Москва кабацкая», состоящий из стихотворений: «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...».

Во вступлении к этому изданию Есенин писал: «... выбрал самое характерное и что считаю лучшим. Последние четыре стихотворения “Москвы кабацкой” появляются впервые»¹. По-видимому, этот цикл и вдохновил его впоследствии на создание одноимённой книги. Зная о трудностях с выходом в свет книги как финансового, так и цензурного порядка (было предпринято четыре попытки её издания), можно предположить, что С. Есенин намеревался сначала напечатать стихи из книги в журнале имажинистов «Гостиница для путешественников в прекрасном». Так, в третьем номере названного журнала в начале 1924 г. под общим заглавием «Москва кабацкая» были напечатаны стихотворения: «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Мне осталась одна забава...», «Я усталым таким еще не был...». Возможно, последовало бы продолжение, но «из эстетических чувств и чувств личной обиды»² поэт отказался участвовать в «Гостинице...». И только в июле 1924 г. в Ленинграде сборник «Москва кабацкая» увидел свет.

В «Книжной летописи» (№ 15 за 1924 г.) поступление книги значится за 1–15 августа. «Москва кабацкая» состоит из 18 стихотворений, которые композиционно делятся на «Стихи – как вступление к «Москве кабацкой»: «Все живое особой метой...», «Сторона ль ты моя, сторона», «Волчья гибель» (в поздних редакциях это стихотворение получило название «Мир таинственный,

мир мой древний...»), «Не ругайтесь»; «Москву кабацкую», принявшую первый вариант оглавления без стихотворения «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», «Любви хулигана» с посвящением Августе Миклашевской: «Заметался пожар голубой», «Ты такая ж простая как все», «Пускай ты выпита другим», «Дорогая, сядем рядом», «Мне грустно на тебя смотреть», «Ты прохладой меня не мучай», «Вечер черные брови насопил» и «Стихотворение как заключение» – «Не жалею, не зову, не плачу». Последний раз появляется «Москва кабацкая» в сборнике «Стихи 1920–1924 гг.», вышедшем в издательстве «Круг» в конце 1924 г.

Пожалуй, ни один из сборников поэта не вызвал таких разных толкований, многочисленных и противоречивых откликов, как «Москва кабацкая». Рассмотрим их.

По возвращении из-за границы (3 августа 1923 г.) С. Есенин читал стихи из готовящейся книги на литературных и домашних вечерах. Один из первых отзывов поэт услышал на квартире в Богословском переулке от своего ближайшего соратника по литературному направлению А. Мариенгофа, с которым там жил: «“Москва кабацкая” – прекрасно. Такой лирической силы и такого трагизма у тебя еще в стихах не было»³. Другой участник имажинистского «кружка» И. Старцев в воспоминаниях «Мои встречи с Есениным» также делится впечатлениями о «кабацких» стихах. Он рассказал об одной из встреч, на которой Я. Блюмкин, один из присутствовавших при чтении стихов, обвинял Есенина в упаднических настроениях. Тогда же своему оппоненту поэт ответил, что «он внутренне пережил “Москву кабацкую” и не может отказаться от этих стихов. К этому его обязывает звание поэта»⁴. 21 августа 1923 г. в Москве в «цитадели поэзии» – Политехническом музее – под «флагом имажинистов» был устроен вечер с участием С. Есенина. Это был своего рода «отчёт» поэта о заграничной поездке. Читались стихи. Р. Ивнев, участник вечера, рассказал о своих впечатлениях от выступления поэта. Он писал, что в переполненном зале каждое прочитанное Есениным стихотворение сопровождалось оглушительными аплодисментами. «Публика была покорена, зачарована»⁵. Осенью того же года близкая знакомая поэта Н. Вольпин отзывалась о «Москве кабацкой» так: «... выше всего ценю те “кабацкие” стихи! Здесь вся душа поэта, с надломом, с отчаянным этим раздвоением. Самоистязание – и громкий крик “Я с собой не покончу”... но в нём-то и слышится признание о тяге к расправе над собой. Ничего искренней и глубже этих стихов я у него не знаю»⁶. О «Любви хулигана» мемуарист добавила, что в жизни хулигана нет, есть только поза хулигана в стихах. Нет и его любви, а есть жажда полюбить.

Для того чтобы издать «Москву кабацкую», С. Есенин 14 апреля 1924 г. организовал в Ленинграде в зале бывшей городской думы платный вечер, на котором читал стихотворения из

будущей книги. О том, как они были приняты слушателями, поэт сообщал в письме к Г. Беннславской: «Вечер прошёл изумительно. Меня чуть не разорвали»⁷. Вл. Пяст, очевидец этого вечера, триумфа волшебства есенинской поэзии, не принадлежавший к окружению поэта, писал: «Широко раскрытыми неподвижными глазами глядели слушатели на певца и ловили каждый его звук. Они не отпускали его с эстрады, пока поэт не изнемог»⁸. Другой участник вечера, друг по петроградскому периоду жизни, В. Чернявский, заметил, что светящееся «лирическое волнение», характеризующее дореволюционную поэзию Есенина и творчество революционного периода, объявляющее вызов миру, в «Москве кабацкой» замутилось и слилось с горькой затравленностью: «Теперь стихи его ударили по сердцам лихостью отчаяния, бились безысходной нежностью и безудержной решимостью защищать своё право на печаль, песню и гибель»⁹.

Выступал поэт со своими стихами в разных аудиториях, в том числе и в Ермаковке – ночлежном доме Москвы (август 1924 г.). Об этом рассказали в своих мемуарах Ю. Либединский, Н. Никитин, В. Эрлих. Любопытно отметить, что при чтении «Москвы кабацкой», по словам Н. Никитина, слушатели посматривали на Есенина одни с недоверием, другие неодобрительно. Возведённый в поэзию «бытовой материал» жизни «бандитов» и «проститутток», считал В. Эрлих, не потряс аудиторию. Но её взволновали до слёз стихотворения о трепетных чувствах, о судьбе, об «отговорившей» золотой роще, о матери, которая выходит на дорогу и поджидает любимого сына.

Среди первых откликов профессиональной критики о «кабацких» стихах следует назвать статью А. Воронского «Литературные силуэты. Сергей Есенин» в журнале «Красная новь». Отметим, что самой книги в этот момент ещё не было. Критик, рассматривавший литературу как «художественный документ» состояния общества, считал причиной появления «Москвы кабацкой» «дух времени», который выражался «потерей веры в нашу революцию, в её смысл, в её победу, ... в её дальнейший размах»¹⁰. Данная мысль критика приобретает большую значимость, если обратиться к одному из писем поэта, в котором он сообщал о буднях жизни: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своём государстве пасынком быть. ... Перестая понимать, к какой революции я принадлежал. Видно только одно: что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь»¹¹. В истории отечественной поэзии, утверждал редактор журнала «Красная новь», впервые появились стихи, в которых с художественной правдивостью, реализмом и искренностью «кабацтво» возводится в «перл создания», в апофеоз. Убеждённый большевик Воронский видел опасность этих стихотворений в их разлагающем влиянии на все слои общества молодого советского государства и

призывал «поднять знамя борьбы за бодрость, ... за твёрдую поступь, ... воспитание революционного пафоса»¹², чтобы покончить с литературным и нелитературным хулиганством. Можно предположить, что только из идеологических соображений нельзя найти ни одного «кабацкого» стиха в журнале «Красная новь», где часто печатался поэт. Подметив в есенинских текстах не только хулиганство и бесшабашность, но и тоску по родительскому дому, по детству, по родным тополям, критик, по неизвестным причинам, даже и словом не обмолвился о любовных стихотворениях поэта, которые свидетельствовали о наметившемся духовном и творческом переломе С. Есенина. Этот перелом он связывал с более поздними произведениями, такими как «На родине», «Русь советская», «Персидские мотивы».

Небезынтересно познакомиться и с отзывом Н. Светлова на стихотворения из сборника «Стихи скандалиста», вошедшие в книгу «Москва кабацкая», появившимся «по ту сторону», чтобы наглядно убедиться в противоречивости и разноголосице суждений современников о творчестве поэта. По мнению критика, С. Есенин безгранично любил деревню и, как художник, весь воплощался в деревенском пейзаже. Бытом села «отдавали» все его поэтические образы. Однако в рецензируемой книге критик заметил отход есенинской поэзии от деревни, сельских красот и есенинской тишины, вызванный, как ему казалось, распадом крестьянства, подавляемого городом и уничтожаемого как класс. Октябрьская революция ускорила разрушение крестьянского уклада жизни. Это, полагал Н. Светлов, явилось причиной появления «вместо прелестных в грусти своей и яркой образности деревенских песен»¹³ жуткой «Москвы кабацкой», в которой бушевали какие-то подреволюционные, глубоко разрушительные силы. Критик-эмигрант разошёлся с мнением А. Воронского, объяснявшего появление «Стихов скандалиста» нэпом и мрачным уклоном московской художественной богемы в кабацкую жизнь. Н. Светлов считал причиной появления «Москвы кабацкой» образовавшийся тупик, в который загоняла поэзию насквозь пронизавшая искусство коммунистическая тенденция. По причине «пролетарской полезности», резюмировал рецензент, темы произведений разных жанров сужались, а «романтизм» изгонялся как «мелкобуржуазное бунтарство». Литературе оставалась только пропаганда коммунистических идей, которая, по сути, обескрыливая темперамент поэта.

Один из ведущих деятелей РАПП Г. Лелевич обратился к «Москве кабацкой» в двух статьях: «О Сергее Есенине» и «По журнальным окопам». В первой из них, помещённой на страницах журнала «Октябрь», критик объявлял причиной создания «зловещих пьяных стихов» отказ Есенина от поэтизации кондовой старой деревни, неспособность отразить значение революционного обновления, жизнь советской деревни. Он недооценил поэта.

Используя в оценках художественной литературы социологический анализ, Г. Лелевич и о стихотворениях «На родине», «Русь советская», «Песнь о великом походе», следующих за «Москвой кабацкой», укоризненно констатировал: «... он (Есенин. – С. Б.) еще не смотрит на современность по-пролетарски»¹⁴. Примечательно, что летом 1924 г., перед выходом книги, С. Есенин признавался В. Эрлиху: «А ведь я все-таки от “Москвы кабацкой” ушел <...> здорово трудно было!»¹⁵. В другой статье, увидевшей свет в журнале «Молодая гвардия», Г. Лелевич добавил, что крестьянский поэт С. Есенин «деклассировался, оторвался от почвы, превратился в поэта хулиганящей городской богемы»¹⁶. Это привело Есенина, заключал автор статьи, к «Москве кабацкой», которую критик не без брезгливости назвал «жуткой» книгой, а стихи во всех смыслах безнадежными.

В «Литературном обзоре» журнала «Печать и революция» единомышленник А. Воронского по литературной работе А. Лежнев дал «Москве кабацкой» и «Стихам 1920–1924 гг.» совершенно противоположную характеристику. Он был одним из немногих, кто заметил в «Москве кабацкой» перелом в жизни и творчестве поэта, кто среди первых всерьёз заговорил о любовной лирике С. Есенина этого периода. Автор обзора писал: «За „страшным“ названием „Москва кабацкая“ скрываются мягкие лирические стихотворения, грустные и жалобные. ... В них совершенно отсутствует поэтизация разгула»¹⁷. Вместе с тем, говоря о «кабацких» стихах, критик причислял их к самым слабым в книге, был убеждён, что они перенасыщены «возгласами отвращения и самоосуждения», что в них порваны все связи с здоровым обществом. В цикле же стихотворений, следующих за «Москвой кабацкой», по мысли А. Лежнева, поэт начинал смотреть на окружающий мир иначе: «Кабацкий туман рассеивается, всё громче начинают звучать голоса радости и любви к жизни, ... поэт, ... как будто впервые замечает то, чего прежде не видел: новую Россию»¹⁸. В этом видел критик разрешение кризиса, начало «выздоровления», а стихи цикла называл вещами совершенно необычайной – даже для Есенина – нежности и задушевности. «Любовь хулигана», утверждал критик, – первые любовные стихотворения поэта, которые до предела насыщены грустью, элегическим настроением. В них А. Лежнев выделил и основные мотивы: сожаления о погубленной молодости и о погубленной жизни, а также мотив щемящей грусти. Душевному кризису поэта критик противопоставил творческий, который, по его мнению, характеризовался отходом от имажинизма и тяготением к классическому стиху.

В рецензии на «Стихи 1920–1924 гг.» И. Машбиц-Веров высказал сходную мысль в оценке «Москвы кабацкой», называя «нежную» лирику основной стихией творчества поэта. Рецензент считал С. Есенина одним из наиболее искренних поэтов,

у которого стихи поистине представляют художественную автобиографию. Это позволило автору рецензии сборник стихов рассматривать «как фазы его жизненного развития, его мироощущения»¹⁹. В стихотворениях Есенина И. Машбиц-Веров обнаруживал усталость, безрадостность и вместе с тем нежный и тонкий лирический характер. Поэтому он полагал, что «кабацтво» Есенина вряд ли может быть опасно эмоциональным заражением публики. Рассматривая композицию «Москвы кабацкой», рецензент отмечал, что есенинские стихотворения становятся более «спаянными и стремительными», что они богаче мелодикой и более гармоничны, а рифмы поэта отличаются пронзительной музыкальностью. В качестве художественных недостатков цикла критик выделил несколько однообразную ритмическую организацию и некоторую монотонность композиционных приёмов. «Любовь хулигана» Машбиц-Веров счёл возможным назвать циклом стихов о любви, которые «представляют большую художественную ценность»²⁰ и в которых поэт расстаётся с кабаками и с вызывающим хулиганством.

Среди других откликов обращают на себя внимание два сугубо отрицательные и безапелляционные суждения. «Вялый стих, словесное безвкусие и беспомощность тематическая вызывают опасения самые серьёзные»²¹, – бездоказательно констатировал рецензент журнала «Русский современник» И. Груздев.

В статье «Сергей Есенин», напечатанной в журнале «Печать и революция», В. Красильников поставил своей задачей дополнить или подтвердить (естественно, не опровергнуть) анализом есенинских текстов «меткую» классификацию литераторов, данную Л. Троцким. Обращаясь к рассмотрению «Москвы кабацкой», критик увидел в ней лишь попытку поэта «перекочевать с деревенской шеи на „изогнутые московские“ плечи»²², а московский кабак и ночлежку – атрибуты есенинских стихов – воспринял как плохую конструкцию деревенской избы. Критик в унисон Троцкому, отрицая возможность союза рабочего класса с крестьянством, добавил для убедительности, что поэт в городе, кроме четырёх стен кабака, ничего не увидел.

Встречались и доброжелательные отклики на «Москву кабацкую». Например, один из самых прозорливых и независимых критиков 1920-х гг. И. Оксенов, упрекая поэта в отходе от «родной крестьянской почвы», подчёркивал, что стихи Есенина неотделимы от его биографии, а поэтому и должны рассматриваться в соответствии с «крепко сложенным организмом его дела»²³.

О восторженном восприятии молодёжью «кабацких» стихотворений поэта также говорится в статье газеты «Бакинский рабочий», рассказывающей о вечере Есенина в студенческом клубе в Баку. Корреспондент отмечал, что публика «как литературная всех толков и направлений, так и нейтральная тесно набилась в клуб «Сабира» и тепло встретила поэта». Будучи очевидцем есенинского

выступления, журналист отмечал, что «немыслимо остаться равнодушным к звонкой простоте его стихов, чарующих неподдельной искренностью, доходящей до смелой откровенности, волнующих безудержной русской удалью»²⁴. По его мнению, С. Есенин читал хорошо. Наибольший успех имели, конечно, «Москва кабацкая» и «Русь советская». «Песнь о великом походе» успеха не имела.

Приведённые высказывания и суждения свидетельствуют о противоречивости восприятия «Москвы кабацкой», что, прежде всего, связано с особенностями развития советской литературно-критической мысли. Официозные теоретики и присяжные критики ведущих литературных направлений чаще всего подходили к оценкам произведений с «политических» позиций представляемых ими групп. Например, на страницах «рапповских» журналов открыто ставился вопрос: «Нужно ли в пролетарских журналах печатать “попутчиков”?»²⁵. Так называлась одна из статей члена редколлегии журнала «Октябрь» А. Соколова, который выступал против тех, кто способствовал публикации произведений С. Есенина в «пролетарских» журналах. Поводом для написания статьи послужило появление поэмы «Песнь о великом походе» в журнале «Октябрь».

Такое положение дел, несомненно, мешало развитию свободного творчества писателей. Об этом, в частности, свидетельствует обращение большой группы литераторов – А. Толстого, О. Форш, Н. Тихонова, А. Чапыгина, Вс. Иванова, В. Шишкова, В. Катаева, В. Инбер, М. Шагинян, М. Слонимского, С. Есенина и других – в самый влиятельный тогда руководящий орган – ЦК ВКП(б). В документе, датированном 9 мая 1924 г., сообщалось: «Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе – две основные ценности писателя. ... Мы приветствуем новых писателей, рабочих и крестьян, входящих сейчас в литературу. Мы ни в какой мере не противопоставляем себя им и не считаем их враждебными или чуждыми нам. ... Наши ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких журналов, как “На посту”, и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. ... Писатели Советской России, мы убеждены, что наш писательский труд нужен и полезен для неё»²⁶.

Изучение прижизненного литературно-критического материала, касающегося «Москвы кабацкой», свидетельствует о весьма неоднозначном восприятии книги и всего творчества С. Есенина его современниками. Подробное и основательное изучение живых, непосредственных откликов, эпистолярных и мемуарных высказываний, на наш взгляд, позволяет глубже осознать и лучше понять причины непонимания и зачастую огульного осуждения поэта, а также наглядно выявляет несостоятельность заявлений некоторых хорошо известных исследователей, провозглашавших, что

в 1924–1925 гг. «критики различных эстетических убеждений и групповых пристрастий – все, словно стоворившись, буквально предавали “Москву кабацкую” анафеме»²⁷.

Примечания

- ¹ *Есенин С.* Полн. собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 221.
- ² *Ройзман М.* Из книги «Всё, что помню о Есенине» // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 396.
- ³ *Мариенгоф А.* Роман без вранья // Как жил Есенин : Мемуарная проза / сост., автор послесл. и коммент. А. Л. Казаков. Челябинск, 1992. С. 136.
- ⁴ *Старцев И.* Мои встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 416.
- ⁵ *Ивнев Р.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 344.
- ⁶ *Вольгин Н.* Свидание с другом // Как жил Есенин : Мемуарная проза. С. 323–324.
- ⁷ *Есенин С.* Указ. соч. Т. 6. С. 167.
- ⁸ *Пяст Вл.* Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 96.
- ⁹ *Чернявский В.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 224.
- ¹⁰ *Воронский А.* Литературные силуэты : Сергей Есенин // Красная новь. 1924. № 1. С. 285.
- ¹¹ *Есенин С.* Указ. соч. Т. 6. С. 154.
- ¹² *Воронский А.* Указ. соч. С. 285.
- ¹³ *Светлов Н.* [Рецензия] // Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи : в

- 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 2. С. 42. Рец. на кн.: Есенин С. А. Стихи скандалиста. Берлин, 1923. 59 [1] с.
- ¹⁴ *Лелевич Г.* О Сергее Есенине // Октябрь. 1924. № 3. С. 182.
- ¹⁵ *Эрлих В.* Право на песнь // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 323.
- ¹⁶ *Лелевич Г.* По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 268.
- ¹⁷ *Лежнев А.* Литературный обзор // Печать и революция. 1925. № 1. С. 129.
- ¹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹ *Машибиц-Веров И.* [Рецензия] // Октябрь. 1925. № 2. С. 142. Рец. на кн.: Есенин С. А. Стихи. М. ; Л. : Круг. [1924]. 86 с.
- ²⁰ Там же. С. 143.
- ²¹ *Груздев И.* [Рецензия] // Русский современник. 1924. № 3. С. 255. Рец. на кн.: Есенин С. А. Москва кабацкая. Л., 1924. 43 [1].
- ²² *Красильников В.* Сергей Есенин // Печать и революция. 1925. № 7. С. 114.
- ²³ *Оксенов И.* [Рецензия] // Звезда. 1924. № 4. С. 333. Рец. на кн.: Есенин С. А. Москва кабацкая. Л., 1924. 43 [1].
- ²⁴ *Д-ов М.* Вечер Сергея Есенина // Бакинский рабочий. 1924. 6 окт. № 226. С. 5.
- ²⁵ *Соколов А.* Нужно ли в пролетарских журналах печатать «попутчиков»? // Октябрь. 1924. № 4. С. 177–179.
- ²⁶ *Куняев Ст., Куняев С.* Сергей Есенин. М., 1995. С. 417–418.
- ²⁷ *Прокушев Ю.* Народное. Пророческое. Вечное // Есенин С. Собрание стихотворений : в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. [16]. Репринтное воспроизведение издания 1926 г.

УДК 821.161.1.09-2+929 Катаев

САТИРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПЬЕСЫ В. КАТАЕВА «МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ»

М. А. Шеленок

Саратовский государственный университет
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

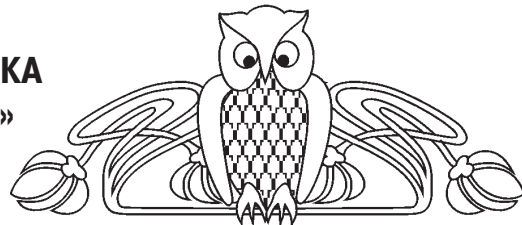
В статье исследуются проблематика и поэтика пьесы В. Катаева «Миллион терзаний»: рассматриваются приемы создания сатирических образов, раскрывается проблема литературного диалога автора с современниками (М. Булгаковым, Н. Эрдманом, И. Ильфом и Е. Петровым), выявляется своеобразие катаевской сатиры на дореволюционную интеллигенцию.

Ключевые слова: В. Катаев, сатирический образ, литературная игра, литературный контекст, литературный диалог.

Satiric Problem Range and the Poetics of the Play «A Million Pangs» by V. Katayev

M. A. Shelenok

The article researches the problems and the poetics of the play by V. Katayev «A Million Pangs»: devices of creating satirical images are

regarded; the problem of a literary dialogue of the author with his contemporaries (M. Bulgakov, N. Erdman, I. Ilf and E. Petrov) is revealed; the peculiarity of Katayev's satire on pre-revolutionary intelligentsia is identified.

Key words: V. Katayev, satirical image, literary play, literary context, literary dialogue.

На протяжении долгих лет плодотворной литературной деятельности В. П. Катаев неоднократно обращался к драматургическим жанрам. Его первые пьесы «Растратчики» (1927) и «Квадратура круга» (1928) вызвали большой интерес у К. С. Станиславского, поэтому начало пути Катаева-драматурга было тесно связано с МХАТом. Особую популярность автору принес водевиль